

ДВЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ДВЕ РОССИИ ВЛАДИМИРА ВЕЙДЛЕ

В.В. ОМЕЛАНКО

Жизнь В.В. Вейдле — одного из самых талантливых русских культурологов и философов XX в., оказалась разделенной надвое русской революцией, тектоническим переворотом во всех сферах русской общественной жизни. Однако для Вейдле — литератора, искусствоведа, мыслителя, сам этот «рубеж» виделся совершенно иначе, чем для людей политики и «социально-классовой борьбы». Решающее *Событие*, обогнавшее перелом в его жизни и определившее решение эмигрировать из Советской России, он объяснил для себя (а потом и для нас — как читателей его замечательных историософских работ и мемуаров) весьма неожиданным, но, в итоге, весьма убедительным образом. Речь идет о дате 7 августа 1921 г., когда произошло событие, ставшее знаковым для Владимира Васильевича Вейдле и для многих представителей русской культуры и интеллигенции: умер Александр Блок. О *смерти Блока, прощании* с ним Вейдле пишет впоследствии в своих воспоминаниях как о поворотном моменте в собственной *жизни, в своем самосознании*. Почему же, не зная Блока лично, он так близко «принял к сердцу» его кончину, сказав: «Прощание с ним — это и прощание с Россией, той, чьим он был сыном, той, которую он ненавидел — любя, а порой и не любя — и которая исчезает, исчезает теперь еще быстрее, раз он исчез»¹.

Говоря о формировании личностной идентичности, нельзя не отметить два ее важнейших уровня — индивидуальный и социальный. На уровне индивидуальной идентичности формируются персональные характеристики личности, отличающие ее от Другого и определяющие ее собственные особенности, что во многом связано и с социальным уровнем. В структуре социальной идентичности выделяются профессиональная, культурная, религиозная, политическая и др. ее подуровни. В процессе самоидентификации, определяя и описывая общность, культуру, к которой человек себя относит, он таким образом описывает, характеризует и в конечном счете *определяет* себя.

Но вернемся к Событию. Сам факт, что известие о кончине Блока так потрясло Вейдле, неслучаен. Для Владимира Васильевича те годы были по его же словам «смутными», и это было связано не только со страшными событиями, происходившими в стране. Вейдле искал свой путь в профессии, еще до конца не понимая, чем именно он хотел бы заниматься. Формировались его взгляды и идеи, мировоззрение, т.е. его культурная и профессиональная идентичность, совершался внутренний выбор между ученым и поэтом. Для ответа на вопрос, как в жизни В.В. Вейдле проходил поиск идентичности, как происходило становление его профессиональной, культурной самоидентификации,

следует сделать краткое отступление от событий 1921 г. и вспомнить несколько ярких штрихов в биографии В. Вейдле.

Две идентичности Вейдле

После окончания школы в 1912 г. мать увезла Владимира в Италию. Эта страна на всю жизнь покорила В. Вейдле². Там он познакомился с профессором Н.П. Отокаром, выдающимся историком-медиевистом (доцентом Петербургского университета, а в 1919 – 1921 гг. – ректором Пермского университета)³, ставшим его «старшим другом»⁴. Эта поездка предопределила последующий выбор специализации, а также оставила большой след в его творчестве и оказала особое влияние на формирование его писательской идентичности. В 1916 г. В. Вейдле закончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Он учился у знаменитых ученых: И.М. Гревса и Д.В. Айналова. После окончания университета В. Вейдле планировал заниматься научной деятельностью, оставшись в университете для защиты диссертации.

В 1917 г., приняв приглашение своего учителя Н.П. Отокара, он уезжает в Пермь преподавать и продолжать занятия в университете⁵. Комментируя свой отъезд в Пермь, Вейдле пишет в своих воспоминаниях: «Откомандировался в Пермский университет, потому что тогда уже начались некоторые затруднения с продовольствием. И я решил, что в Перми, во вновь основанном университете, где как раз были мои друзья, в том числе тот самый профессор Отокар, – что там можно будет спокойно заниматься, готовиться к магистерским экзаменам»⁶. В Перми он планировал подготовить диссертацию, но обстоятельства не позволили – в связи с Гражданской войной университет сначала перевели из Перми в Томск, затем вернули обратно. Происходившие вокруг события мало способствовали спокойной работе. Да и сам В. Вейдле находился в творческом поиске своего пути и места в жизни. В воспоминаниях об этих своих исканиях он писал: «Смута моя разные измерения имела: и как мне жить, я себя спрашивал, и одновременно – кто же я, собственно, такой? Ученый я или поэт? Родня, пусть и очень отдаленная, Блоку или, скажем, Мандельштаму, которого встречал я студентом будучи, в университете и стихи которого любил... Или попросту будущий профессор... По какой кафедре? Средневековой истории (западной?), которой я в Перми и Томске всего усердней занимался, или истории искусства (о ней, как и об Италии, мной виденной, я ведь тоже не забывал и не собирался забывать). Двадцать пять лет мне было, и ничего-то я толком о себе не знал. Впрочем, пожалуй, и знал, что могу перестать писать стихи, но что не перестану интересоваться стихами – и не стихами: живописью, всяческими искусствами, многим в истории, вообще многим, очень многим»⁷. Из этих воспоминаний отчетливо видно, что, несмотря на то, что Вейдле еще не знал точно, в чем его призвание, приоритеты он для себя уже расставил.

С этими мыслями 26-летний В. Вейдле после трехлетнего отсутствия возвращается в Санкт-Петербург в 1921 г. Первое, что он увидел, выйдя из вокзала, были «расклеенные бумажки» вдоль Невского проспекта, сообщающие о смерти Александра Блока. Событие это сильно его потрясло. Вейдле знал, что последние годы для Блока были чрезвычайно тяжелыми. Очень многие не поняли и не приняли его поэму «Двенадцать». Анализируя события, произошедшие в России в начале XX в., В. Вейдле отмечал, что в революции есть несколько этапов – восстание, регламентация, компромисс. Именно восстание и вдохновило художников и поэтов, а памятником «этому восстанию останутся «Двенадцать» Блока», – писал он⁸. После публикации поэмы Блок подвергся жесткой критике. Вейдле же оценивал это произведение как «поэзию мятежа, восстания, смуты, а не революционной машины»⁹. Он об этом подробно напишет в своей статье «После «Двенадцати». Приношение кресту на могиле Александра Блока»¹⁰.

К Вейдле, стоящему на кладбище рядом с Андреем Белым, Анной Ахматовой, и думающему о последних годах жизни Блока, пришло и другое чувство. Он задумался о своем месте в мире, о своем призвании, предназначении, своей идентичности. Вейдле ощутил себя «близким Блоку», ощутил себя поэтом. Он пишет об этом так: «Без всякого на то права ощутил я себя близким Блоку, поэтом себя ощутил – пусть и незначительным, но поэтом или если к стихотворству совсем уж малоспособным, то как-никак слугой и радетелем слова, писателем, русским писателем»¹¹. Вейдле отчетливо понял, что будет писать, хотя еще не знал, что конкретно он будет писать и о чем, но точно будет «служить языку». И именно это чувство призвания связало его с Блоком и Ахматовой и другими представителями русского Серебряного века. Это самоощущение, идентификация объединяла их «в какое-то большое целое, в пишущую, мыслящую Россию»¹². Вейдле пишет: «Горжусь, что включил я себя в нее, пусть сознанием одним, не подвигом, не даже малым каким-нибудь делом, тогда, в то тяжкое для нее время, в тот особо трагический и решающий для нее год»¹³. Россию как Родину для себя он находит именно в этом кругу.

«Поэт в России больше чем поэт». Смерть Блока была чем-то более важным, нежели уход из жизни знаменитого человека. Спустя годы, размышляя о смерти Блока, Владислав Ходасевич писал: «В пушкинской своей речи, ровно за полгода до смерти, он говорил: «Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю, – тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл»¹⁴.

Для мыслящей, пишущей России, той общности, с которой ассоциировал себя Вейдле, прощание с Блоком стало олицетворением «исчезающей России». Уходила не Россия как государство, а Россия,

которая «становится осязаемой сквозь слово». 20-е гг. XX в. стали тяжелейшим и переломным временем в истории российской культуры. Вслед за смертью Блока последовали расстрел Гумилева, самоубийства Есенина и Маяковского. В лице Гумилева была убита «несогласная с революцией поэзия. В лице Есенина покончила с собой революционная, но обманутая революцией крестьянская, пусть и несбыточная мечта. В лице Маяковского — поэзия, всего тесней связанная с революцией, но полностью исчерпанная и упершаяся в тупик, сама на себя наложила руки»¹⁵, — так писал Вейдле о событиях тех лет.

Масштабная борьба с инакомыслием продолжилась высылкой интеллигенции с «философским пароходом». Владимиру Вейдле было тяжело и фактически невозможно оставаться в стране, где те люди, с которыми он себя идентифицировал, становились врагами, в государстве, где целенаправленно уничтожалась культура. Спустя несколько десятилетий Анна Ахматова так охарактеризовала людей, управлявших новой Россией: «да ведь дворники это, дворники». Продолжая ее мысль, Вейдле с сожалением писал, что «дворники до сих пор и управляют пишущей, мыслящей, да и вообще всей недворничьей Россией по дворничьему своему разумению, вкусу и милосердию. Двадцать первый год начало тому положил гибелью двух неугодных дворникам поэтов»¹⁶. В своих «Воспоминаниях» Вейдле отмечал, что события после Октября были «смутным временем», а смерть Блока стала главным этапом «на пути перехода смутного времени в безнадежное»¹⁷.

Но после печальных событий 1921 г. окончательного решения об отъезде из России Вейдле все же не принял. Он читал лекции в университете в Петрограде, где, как ни странно, сохранялась свобода. Событие, повлиявшее на его окончательное решение уехать, произошло в 1924 г. Весной этого года на должность заместителя наркома просвещения был назначен М.Н. Покровский. Вскоре последовал ряд увольнений из университетов, а затем и указ, «разрешавший оканчивать учебные заведения только лицам пролетарского и крестьянского происхождения... Позже декрет был отменен, но не классовый расизм, его внушавший»¹⁸. По этой причине группе московских студентов-медиков отказали в сдаче финальных экзаменов и получении дипломов (это после пяти лет обучения), выехать для получения дипломов за границу им также отказали. После этого часть студентов совершила коллективное самоубийство прямо в стенах Московского университета. Об этом событии ничего не писали в прессе, но новость распространилась достаточно быстро. После такого происшествия у Вейдле не осталось никаких сомнений в необходимости скорейшего отъезда из страны. В 1924 г. к концу подходила «смута, состоявшая в смешении, в запутанном сосуществовании России и СССР, и выделении из нее сплошной СССР»¹⁹, именно тогда Вейдле принимает окончательное решение уехать. Советский союз для него не стал и не

мог стать Россией, так как культурные и цивилизационные основания России СССР отрицал. Оставаться Вейдле не мог и не хотел. И в 1924 г. он уехал из Советской России.

Две России Вейдле

Истоки революции и последующих событий Вейдле видел более в нигилистических течениях 60-х гг. XIX, чем в работах Маркса и Плеханова. В статье «Три России» он пишет: «...изъятие Бога и отметание всех духовных ценностей... есть основной догмат русского коммунизма в гораздо большей мере, чем все специфически марксистские догматы»²⁰. По мнению Вейдле, Ленин и его соратники победили в Гражданской войне именно потому, что выбрали те лозунги, которые нашли отклик в душе большого количества населения России. Культурный слой в России всегда был очень тонок, культурные различия воспринимались более болезненно, сильнее, чем экономическое неравенство. Поэтому, пишет Вейдле, «лучшей гарантией успеха было для революции истребление правящего и культурного слоя, и эту гарантию Ленин от народа получил»²¹. Именно по причине уничтожения культурного слоя, своего рода культурного разрыва поколений, Вейдле и не видел в Советской России преемницы той России, которая была частью западной цивилизации, частью европейской культуры. Взлетом культуры той России стал Серебряный век, но он же оказался предвестием конца. Россия распалась. Часть ее постепенно погибала в СССР, часть уехала из страны, пытаясь увезти с собой ту «незримую Россию».

В своих работах В. Вейдле проводит идею, что Россия всегда была Европой (частью Европы). Основным доказательством тому служила культура Серебряного века, который стал удивительным явлением в истории и культуре России, но, к сожалению, очень коротким. В этот период происходит «долгожданное пробуждение творческих сил Православной церкви, небывалый расцвет русского исторического сознания, дотоле неизвестное общее, почти лихорадочное оживление философии, науки, литературы, музыки, живописи, театра»²², — так характеризует этот период российской истории Вейдле.

Спустя годы в своих работах Вейдле анализирует причины разрыва преемственности поколений, произошедшего в стране. «Когда культурная преемственность так порвана, как в России, таким повальным истреблением или изгнанием ее носителей, — ее восстановление будет во всяком случае очень трудным»²³, — пишет он в статье «Три России». Вейдле также отмечает общемировую тенденцию преобладания научно-технической цивилизации, которая все больше отделяется от цивилизации-культуры. «Науку и технику устранить нельзя, — пишет он, — но жить этой технико-научной мыслью человек не может, не превратившись в электронную машину»²⁴. Единственную воз-

возможность противопоставить что-то этой тенденции Вейдле видит в восстановлении преемственности, для России — «в русском истолковании ее и облике». «Нельзя размышлять о настоящем, отказавшись гадать о будущем. Настоящее состоит из будущих, заложенных в него прошлым; эти будущие различимы для пристального взгляда»²⁵, — напишет он много позднее, в своей книге «Умирание искусства».

Вместо заключения

Преемственность поколений, в целом преемственность в культуре осуществляется через гуманитарные науки. С помощью культуры, литературы, искусства, языка человек идентифицирует себя с определенной общностью. Гуманитарные науки не только способствуют передаче накопленного интеллектуального капитала от поколения к поколению внутри страны, но и показывают, что страна значит в мире, какой вклад в мировое культурное наследие она вносит. Можно сказать, гуманитарные науки — это лицо и душа каждой страны. События начала XX в. показали, как важно не забывать об этом. Анализируя значение трудов Вейдле для сегодняшней России, стоит задуматься о состоянии гуманитарной науки у нас в стране, об отношении к ней власти и общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вейдле В. Воспоминания. Публикация и комментарии И. Доронченкова // Диаспора: Новые материалы. Т. III. — СПб.: Феникс, 2002. С. 66.

² См.: Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Риме. — М.: Независимая Газета, 2001.

³ Вейдле В.В. Почетный гражданин Флоренции (Н.П. Оттокар) // Новое Русское Слово. 17 июля 1977. С. 5.

⁴ Журнальный клуб Интелрос. Русская жизнь. 2008. № 3. — URL: http://www.intelros.ru/readroom/rulife/ru_150208/1832-iskusstvoved-v-revoljucii.html (дата обращения 29.04.2015).

⁵ См.: Табункина И.А. В.В. Вейдле и Пермский университет // Мировая литература в контексте культуры. 2010. № 5. С. 10 — 12.

⁶ Вейдле В. Воспоминания. С. 64 — 65.

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Вейдле В.В. Три России // Задача России. — Мн.: Белорусская православная Церковь, 2011. С. 64.

⁹ Вейдле В. Воспоминания. С. 65.

¹⁰ Вейдле В.В. После «Двенадцати». Приношение кресту на могиле Александра Блока // Вестник русского студенческого христианского движения (Париж — Нью-Йорк). 1971. № 99. С. 85 — 103.

¹¹ Вейдле В. Воспоминания. С. 67.

¹² Там же. С. 68.

¹³ Там же. С. 68.

¹⁴ Ходасевич В.Ф. Некрополь. Воспоминания. — URL: http://modernlib.ru/books/hodasevich_vladislav/nekropol/read (дата обращения 29.04.2015).

¹⁵ Вейдле В.В. О поэтах и поэзии. — Париж: YMCA-PRESS, 1973. С. 14.

¹⁶ Вейдле В. Воспоминания. С. 68.

¹⁷ Там же. С. 66.

¹⁸ Там же. С. 116.

¹⁹ Там же. С. 65.

- ²⁰ Вейдле В. Три России. С. 62
²¹ Там же. С. 63.
²² Там же. С. 61.
²³ Там же. С. 67.
²⁴ Вейдле В. Наследие России // Задача России. С. 180.
²⁵ Вейдле В.В. Умирание искусства // Задача России. С. 291.

REFERENCES

- Kara-Murza A.A. *The Famous Russians about Rome*. Moscow, Nezavisimaya Gazeta [Independent Newspaper], 2001. 472 p. (In Russian).
 Khodasevich V.F. *Necropolis. Memories*. Available at: http://modernlib.ru/books/hodasevich_vladislav_nekropol/read (In Russian).
 Tabunkina I.A. V.V. Veidle and the Perm University. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [The World Literature in the Context of Culture]. 2010. No 5. pp. 10-12 (In Russian).
 The Magazine Club Intelros. Russian life. 2008. No 3. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/rulife/ru_150208/1832-iskusstvoved-v-revoljucii.html (In Russian).
 Veidle V.V. Honorary citizen of Florence (N.P. Ottokar). *Novoe Russkoe Slovo* [New Russian Word]. July 17. 1977 (In Russian).
 Veidle V.V. *About Poets and Poetry*. Paris, YMCA-PRESS. 14 p. (In Russian).
 Veidle V.V. After the «Twelve.» The Offering to the Cross on the Grave of Alexander Blok. *Vestnik russkogo studencheskogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of Russian Student Christian Movement]. No 99. 1971. Paris – New York, pp. 85-103 (In Russian).
 Veidle V.V. The Three Russias. *Russia's task*. Minsk, Belorusskaya pravoslavnyaya Tserkov' [The Belarusian Orthodox Church], 2011. 512 p. (In Russian).
 Veidle V.V. *The Dying of Art*. Available at: <http://predanie.ru/lib/book/73253/#description> (In Russian).
 Veidle V. Memories. Publication and commentary by I. Doronchenkov. *Diaspora: New materials*. Vol. III. Saint Petersburg, Fenix, 2002. 735 p. (In Russian).

Аннотация

В статье анализируется формирование идентичности крупнейшего русского культуролога, философа, искусствоведа Владимира Васильевича Вейдле (1895 – 1979). На основании биографических данных, воспоминаний Вейдле, его трудов, реконструируются события 20-х гг. XX в., то, как они повлияли на самоидентификацию писателя, на его философские идеи, на его выбор, кем быть: ученым или поэтом. Рассматривается отношение мыслителя к революционным событиям, произошедшим в России, их истокам и в целом видение судьбы России. Особое внимание уделяется размышлениям В.В. Вейдле о русской культуре, идентичности России.

Ключевые слова: Вейдле, Блок, идентичность, самоидентификация, Серебряный век, Россия, Европа, революция, Гражданская война, эмиграция, преемственность.

Summary

The article examines the identity formation of the largest Russian culturologist and philosopher, art critic Vladimir Veidle (1895 – 1979). On the basis of biographical data, memorias of Veidle, his works, the author reconstructs the events of the 20es of the 20th century, how they influenced the identity of the writer, his philosophical ideas. She discusses the views of the thinker on the revolutionary events in Russia, their origins and destiny of Russia. Special attention is paid to reflection of Veidle about Russian culture, Russian identity.

Keywords: Veidle, Blok, identity, self-identification, silver age of Russian culture, Russia, Europe, revolution, civil war, emigration, cultural continuity.